

ПОЛИС И ОБМЕН: К КОНЦЕПЦИИ АРИСТОТЕЛЯ*

В отечественном антиковедении в последние годы весьма редко появляются исследования, посвященные проблемам античной экономики. Хотя для этого имеются некоторые объективные причины, вызывает, однако, сожаление то обстоятельство, что работы по этой теме почти исчезли из сферы интересов российских ученых именно в настоящее время, когда в изучении античной экономики происходят весьма знаменательные изменения.

После длившихся несколько десятилетий дискуссий между «модернистами» и «примитивистами», в которых принимали активное участие самые крупные специалисты конца XIX и первой половины XX в., наступила пора почти безраздельного господства «примитивистских» концепций главным образом благодаря трудам М. Финли. Преобладание этой системы взглядов привело к тому, что ее даже стали называть «новой ортодоксией»¹.

Только в самое последнее время ей был брошен серьезный вызов, и в западной литературе возобновились дискуссии об основных проблемах античной экономики². С нашей точки зрения, самое примечательное в выступлениях противников «новой ортодоксии» состоит в том, что они акцентируют внимание прежде всего на роли рыночных отношений в античности и, соответственно, рассматривают их влияние на важнейшие структуры, определяющие сам характер общества. Вместе с тем эти ученые постоянно имеют в виду, что процесс развития товарно-денежных отношений проходил в рамках полисной структуры общества, что придает их взглядам особую убедительность. Таким образом, современный подход к изучению античной экономики является не простым возвращением к «модернистским» взглядам, а скорее синтезом двух противоположных позиций, в котором снимается противоречие.

Для решения принципиальных проблем истории античной экономики особое значение имеет анализ воззрений Аристотеля – единственного из мыслителей классической эпохи Греции, который теоретически и систематически разрабатывал политико-экономические темы применительно к тому обществу, в котором он жил, включая и вопросы обмена³. Конечно, тема эта отнюдь не нова в науке. Однако ис-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (код проекта 03-01-00684а).

¹ Выражение принадлежит К. Хопкинсу, кстати, одному из горячих приверженцев этой концепции (Hopkins K. Introduction // Trade in the Ancient Economy / Ed. P. Garnsey, K. Hopkins, C.R. Whittaker. Cambr., 1983. P. XI).

² См. Маринович Л.П., Кошеленко Г.А. Древнегреческая экономика: сто лет дискуссий // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. IV. Ч. 1. История. Москва – Магнитогорск, 1997. С. 90–96. Из более новых работ представителей этого направления можно упомянуть в качестве примера: Andreau J. Introduction // Économie antique. Prix et formation des prix dans les économies antiques (Textes rassemblés par J. Andreau, P. Briant, R. Descat). Entretiens d'archéologie et d'histoire. Saint-Bertrand-de-Commenges, 1997; Bresson A. La cité marchande. Bordeaux, 2000; Descat R. Public et privé dans l'économie de la cité grecque // Ktema. Civilisation de l'Orient, de la Grèce et de Rome antique. 23. 1998. P. 229–241. Весьма показательна также книга Э. Коэна, посвященная анализу характера афинской трапезы (Cohen E.E. Athenian Economy and Society. A Banking Perspective. Princeton, 1992).

³ Аристотель оказал огромное влияние на последующую экономическую теорию. Хотя взгляды Платона тоже имеют определенное значение, они привлекали меньшее внимание, поскольку не были выражены в систематической и аналитической форме. Считают, что средневековая европейская и исламская экономические теории базировались на воззрениях Аристотеля, и, с точки зрения некоторых исследователей, анализ Фомы Аквинского (Aquinas Th. Commentary on the Nicomachean Ethics / Trans. C.I. Litzinger. Chicago, 1964) превосходит по своему уровню многие из современных произведений, посвященных экономическим взглядам Аристотеля (Meikle S. Aristotle's Economic Thought. Oxf., 1995. P. 2; Baeck L. Greek Economic Thought. Initiators of a Mediterranean Tradition // Ancient Economic Thought. V. I / Ed. B.B. Price. L.–N.Y., 1997. P. 146 ff.). Зависимость взглядов К. Маркса от Аристотеля (через посредство А. Смита) также не вызывает сомнений (см., например, Booth W.J. Households: on the Moral Architecture of the Economy. N.Y., 1993).

следования экономических воззрений Стагирита, проводившиеся в последние десятилетия, находились под сильным влиянием общих концепций «примитивистов», в частности и работ М. Финли⁴, специально им посвященных⁵. Необходимо отметить, что даже среди «примитивистов» оценка Стагирита неоднозначна. К. Поляньи⁶, например, оценивал Аристотеля как теоретика экономики гораздо выше, чем его ученик М. Финли. Возможно, это связано с тем, что К. Поляньи, в соответствии с его кругом интересов («способ обмена», а не «способ производства»), более внимательно изучал именно концепцию обмена Аристотеля и, соответственно, оценил ее достаточно высоко.

Обращение к этим вопросам без шор «примитивистского» подхода может оказаться полезным. Не менее, очевидно, полезно рассмотрение проблемы и вне узкого марксистского понимания, для которого Аристотель – не столько самостоятельный мыслитель, сколько один из предшественников К. Маркса⁷. В частности, утверждается, что у Аристотеля присутствуют некоторые «зачаточные» элементы трудовой теории стоимости, создание которой считается главным достижением К. Маркса, поскольку из этой теории, в свою очередь, вытекает концепция прибавочной стоимости. Кроме того, обычно указывается, что только К. Маркс отчетливо расчленил потребительскую и меновую стоимости, различие между которыми Аристотель «смутно ощущал», хотя в действительности Аристотель осознавал эту разницу вполне отчетливо.

Отметим также, что в последние десятилетия велись активные дискуссии относительно ряда ключевых собственно экономических терминов, использованных Аристотелем, – *αὐτάρκης* и *αὐτάρκεια*⁸, *χρεῖα*⁹, *χρηματισ-*

⁴ *Finley M.I. Aristotle and Economic Analysis // Past and Present. 1970. 47. P. 3–25* (переизд. в кн.: *Studies in Ancient Society / Ed. by M.I. Finley. London–Boston, 1974. P. 26–52*). См. также *Finley M. The Ancient Economy. L., 1973*.

⁵ М. Финли (Aristotle... P. 3) стремился доказать, что экономические взгляды Аристотеля построены прежде всего на моральных оценках. Важнейшим доказательством этого он считал отсутствие у Аристотеля подлинного «экономического анализа», понимаемого им в соответствии с определениями Дж. Шампетера (*Schumpeter J.A. History of Economic Analysis / Ed. E.V. Schumpeter. Oxf., 1954. P. 1, 21*), которые он с симпатией цитирует: «Под экономическим анализом [...] я понимаю [...] интеллектуальные усилия, которые предпринимаются для того, чтобы понять экономический феномен, или, что то же самое [...] аналитический или научный аспекты экономической мысли [...]». И затем Шампетер добавляет: «Экономический анализ имеет дело с вопросом о том, как люди ведут себя в определенное время и к какому экономическому результату приводит их поведение». Используя, таким образом, анахроническую экономическую теорию, Финли представляет Аристотеля только как моралиста в экономике (см. также *Meikle S. Aristotle and the Political Economy of the Polis // JHS. 1979. XCIX. P. 57–73*).

⁶ *Polanyi K. Aristotle Discovers the Economy // Trade and Market in the Early Empires. Economies in History and Theory / Ed. K. Polanyi, C.M. Arensberg, H.W. Pearson. Glencoe, 1957. P. 64–97* (переизд. в сб.: *Primitive, Archaic and Modern Economies. Essays of Karl Polanyi / Ed. G. Dalton. Boston, 1971. P. 78–115*).

⁷ См., например, *Аникин А.В. Аристотель и современная экономическая наука // ВДИ. 1966. № 4; Столяров Д.Д. Из истории античных экономических теорий. Ташкент, 1966; Розенберг Д.И. История политической экономии. Т. I. М., 1940.*

⁸ Как справедливо отмечалось в литературе, значение этих терминов у Аристотеля неоднозначно. В одних случаях они выражают просто идею достаточности, в других же – самодостаточности, т.е. подлинной автаркии. В силу этого необходима осторожность при анализе соответствующих текстов, содержащих эти термины. Вообще, следует сказать, что терминология Аристотеля неточна и он не всегда строго выдерживает ее, не говоря о нарушении хода мыслей и даже противоречиях (*Железнов В.Я. Экономическое мировоззрение древних греков. М., 1916. С. 174–175*). О греческой концепции автаркии см. *Will E. Le monde grec et l'Orient. T. I. Le Ve siècle (510–403). P., 1980. P. 632–635*.

⁹ *Χρεῖα* – это слово применительно к Аристотелю, часто модернизируя его взгляды, переводили как «спрос» (в соответствии с современной экономической терминологией в противопоставлении «спрос» и «предложение»). Ср. в ряде переводов (*The Ethics of Aristotle / With Essays and Notes by A. Grant. V. I–II. L., 1885; Newman W.L. The Politics of Aristotle. V. I. Oxf., 1887; Ross W.D. Ethica Nicomachea. Oxf., 1925; Rackham H. The Nicomachean Ethics. L., 1975*) и исследований: *Barker E. The Political Thought of Plato and Aristotle. L., 1906. P. 372; Hardie W.F.R. Aristotle's Ethical Theory. Oxf., 1968. P. 196; Soudek J. Aristotle's Theory of Exchange: an Inquiry into the Origin of Economic Analysis // Proceedings of the American Philosophical Society. 1952. 96. № 1. P. 60; переизд. в кн.: *Aristotle (384–322 B.C.) / Ed. M. Blaug. Aldershot, 1991. P. 11–41*. Подробнее*

τικῆ¹⁰, οὐκὸνομία¹¹. Сложности, возникающие при переводе трудов Аристотеля, объяснил в свое время М. Финли, отметив, что именно в эпоху Аристотеля (начиная с софистов) шел процесс создания научной терминологии¹². Наконец, мы попытаемся соотнести теоретические воззрения Стагирита с реалиями современной ему экономики Афин, что делалось, в общем, весьма нечасто.

Главные мысли Аристотеля по названной проблеме представлены в «Политике»¹³, «Никомаховой этике», «Эвдемовой этике»¹⁴ и «Ритори-

см. Meikle. Aristotle's... P. 29 ff. О необходимости перевода χρεια как «потребность» см. Колобова К.М. К вопросу о роли денег у Аристотеля // Проблемы истории материальной культуры. Л., 1933. № 3–4. С. 27–29; Колобова К.М., Фролов Э.Д. Аристотель и его греческие комментаторы (В поисках формулы стоимости) // ВДИ. 1958. № 2. С. 17; Picard O. Aristote et la monnaie // Ktema. Civilisations de l'Orient, de la Grèce et de Rome antique. 5. 1980. P. 272–273.

¹⁰ Мы имеем в виду, что (как и в предыдущем случае) в литературе наличествует тенденция к модернизации: перевод χρηματιστική как «business» (в упомянутом выше переводе Рэкхэма) или перевод К. Лорда (Lord C. Aristotle. The Politics. Chicago, 1984), который определял различие между экономикой и хрематистикой как различие между двумя «forms of expertise in business». На фатальность этой ошибки в переводе для понимания взглядов Аристотеля обращал внимание М. Финли (Aristotle... P. 41). Обычный перевод термина «хрематистика» как «wealth-getting», «getting wealth», «the art of acquisition» (e.g. Lovry S.T. Aristotle's «Natural Limit» and the Economics of Price Regulation // GRBS. 1974. V. 15. 4. P. 57), «l'art d'acquisition» (Aristote. Politique / Texte établi et traduit par J. Aubonnet. P., 1960) представляется не совсем точным, ибо, как кажется, в нем упущен важный момент: когда Аристотель говорит о хрематистике, он имеет в виду прежде всего богатство в денежной форме (см. Picard. Aristote... P. 270). Интересно, что Фома Аквинский этот нюанс прекрасно осознал. Комментируя Arist. 1257b35, он противопоставлял ойкономику и хрематистику: первая – это «искусство приобретения пищи и других вещей, необходимых для жизни», вторая – «искусство денег, поскольку здесь идет речь о приобретении денег» (Aquinas. Commentary... Lectio 7, 111). В более раннем английском переводе этот нюанс мысли Стагирита также отчетлив, Джоуэтт определяет хрематистику как «art of making money» (Aristotle. The Politics / Trans. into English with Essays, Notes by V. Jowett. Oxf., 1885). Именно такое значение – «the art of money-making» – дано в словаре Лиддл–Скотта (A Greek-English Lexicon, compiled by H.G. Liddel and R. Scott. Oxf., 1968, с ссылкой именно на Аристотеля – Pol. 1256b41).

Следует указать еще на одно обстоятельство, затрудняющее анализ текстов Аристотеля. Обращаясь в самом начале «Политики» к «рассмотрению того, что такое собственность», Стагирит задает вопрос: тождественна ли хрематистика «с наукой о домохозяйстве, или это искусство есть часть данной науки, или оно состоит в служебном к ней отношении». Вопрос о том, представляет ли хрематистика часть науки о домохозяйстве или она является особой, отличной от нее отраслью вызывает затруднения (1256a 1–10; cf. 1256b40 – 1257a 5; 1258a5, 14–15). У Аристотеля находят две хрематистики. С. Мейкл пишет о «хорошей хрематистике» и «плохой хрематистике», К. Натали говорит о «хрематистике-1» и «хрематистике-2»; различает два вида хрематистики и Ролл (Roll E. A History of Economic Thought. L., 1961, P. 35; cf. Johnston V. Aristotle's Theory of Value // AJPh. 1939. LX. 4. P. 446). Сам Аристотель так объяснял значение этого термина: δοκεῖ ἡ χρηματιστικὴ μάλιστ' ἀπὸ τὸ νόμισμα εἶναι (Pol. 1257b5–6). О понятии хрематистики у Аристотеля, у которого это слово, очевидно, приобрело характер термина, см. также Natali C. Aristote et la chrématistique // Aristoteles' «Politik». Akten des XI. Symposium Aristotelicum. Friedrichshafen–Bodensee, 25.8–3.9. 1987 / Hrsg. von G. Patzig. Göttingen, 1990. P. 297–298.

¹¹ Слово οὐκὸνομία никогда ранее Ксенофонта и Аристотеля не использовалось как экономический термин. Его нет в произведениях Геродота, Эскина, Еврипида, Аристофана, Фукидида, Демосфена. В дальнейшем термин получил расширительное значение, наиболее ярким примером служит Псевдо-Аристотелева «Экономика», где выделяются четыре типа ойкономики: βασιλική, σατραπική, πολιτική, ἰδιωτική (Ps.-Arist. Oec. B1).

¹² Finley. Aristotle... P. 5.

¹³ Мы пользуемся переводом С.А. Жебелева, сверенным А.И. Доватуром и в ряде мест уточненным В.В. Бибихиным (Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 1984). В многих местах перевод был несколько изменен. В частности, мы переводим термин κοινωνία как «сообщество». О необходимости именно такого перевода см. Кошеленко Г.А. Восстание греков в Бактрии и Согдиане в 323 г. до н.э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н.э. // ВДИ. 1972. № 1. С. 65. А.И. Доватур этот термин переводит как «общность», «объединение» (Доватур А.И. Политика и политики Аристотеля. М.–Л., 1965. С. 7).

¹⁴ Мы пользуемся переводом Н.В. Брагинской (Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 1984). Вопрос об авторстве приписываемых Аристотелю трех Этик и времени их написания стал предметом многих работ, но вряд ли на основании нынешних знаний может быть

ке»¹⁵. Кроме того, отдельные полезные замечания есть и в других его произведениях. Некоторую помощь в понимании экономических взглядов Стагирита может оказать и «Большая этика»¹⁶, хотя она, вероятнее всего, принадлежит кому-то из представителей школы перипатетиков, жившему, вероятно, во второй половине II в. до н.э.¹⁷

Несколько предварительных замечаний. Чтобы лучше понять экономические воззрения Аристотеля, необходимо постоянно иметь в виду, что во всех названных трудах центром исследования и главным объектом являются *πόλις* и его гражданин – *πολίτης*. Помимо неизменной сущности полиса, Аристотель отмечает и его акцидентные формы, а также намечает характер «идеального» полиса, т.е. такую его форму, в которой эта неизменная сущность проявлялась в наиболее законченном виде. Одну из типичных ошибок при анализе сочинений Аристотеля представляет смешение черт реального полиса и его идеального «прототипа». Второе обстоятельство, которое следует иметь в виду, – историзм изложения: Стагирит постоянно возвращается к более ранним явлениям, сравнивая их в той или иной степени с тем, что он сам наблюдает. И это иногда приводит к ошибкам. Наконец, меры, направленные на исправление существующего положения, когда оно кажется Аристотелю нетерпимым, также отличаются от того, что он предусматривает для своей модели идеального полиса.

Аристотель, согласно своему обычному методу, стремится расчленить сложное явление на простейшие элементы, проанализировать их, и только после этого он начинает создавать свою достаточно сложную логическую конструкцию¹⁸.

Говоря об обмене¹⁹, он выделяет следующие его виды: бартер, т.е. прямой обмен без участия монеты; использование монеты в обмене для приобретения необходимых предметов; продажа и покупка, конечная цель которых – приобретение монеты; ростовщичество или дача монеты в долг для получения процентов.

Как уже справедливо отмечалось, современные исследователи, перечисляя эти виды обмена, рассматривают их вне внутренней связи, которую видел в них сам Стагирит²⁰. Для него формы обмена связаны и логически, и исторически с различными типами организации общества: чем она сложнее, тем более сложен и характер обмена, а также число вариантов обмена, функционирующих в рамках этого типа. Но даже С. Мейкл, столь настоятельно подчеркивающий эту мысль, опускает начальное звено всей логической цепи рассуждений мыслителя. Для Аристотеля простейшая и древнейшая форма организации греческого общества – ойкос²¹. Следующая по сложности и по времени – кома; наконец, наиболее сложная, а также самая поздняя по времени форма – полис²².

Однако из конструкций современных исследователей выпадает, как правило, ойкос, поскольку, с точки зрения Аристотеля, ойкос существует вне обмена («В первом сообществе, то есть в семье (*τῆ πρώτῃ κοινῶνιᾳ* – *τοῦτο δ' ἐδὲν οἰκίᾳ*), не было

решен (см. Колобова, Фролов. Аристотель... С. 18–19; *Аристотель* / Пер. Н.В. Брагинской. Т. 4. С. 687–688; *Jaeger W. Aristoteles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung*. 2. Aufl. В., 1955; *Aristoteles. Nikomachische Ethik* / Übers. und komm. von F. Dirlmeier. В., 1956. С. 248–249; *Kenny A.J.P. The Aristotelian Ethics: a Study of the Relationship between the Eudemean and Nicomachean Ethics of Aristotle*. Oxf., 1978.

¹⁵ Мы пользуемся переводом Н. Платоновой: *Аристотель. Риторика* // Античные риторика. Собрание текстов, статьи, комментарии и общая редакция А.А. Тахо-Годи. М., 1978. С. 15–165.

¹⁶ Мы пользуемся переводом Т.А. Миллер: *Аристотель. Сочинения в четырех томах*. Т. 4. М., 1984. С. 295–373.

¹⁷ См. *Aristoteles. Nikomachische Ethik* / ... von Fr. Dirlmeier. S. 248–249.

¹⁸ Об этом методе работы Аристотеля см. *Доватур. Политика...* С. 7 сл.

¹⁹ Детальнее: *Lowry S.T. The Archaeology of Economic Ideas. The Classical Greek Tradition*. Durham, 1987. P. 181–212.

²⁰ *Meikle. Aristotle's...* P. 43.

²¹ Для Аристотеля, как и других мыслителей античной эпохи, «ойкос» – семья и «ойкос» – первичная производственная единица – более или менее синонимы.

²² Иногда в сочинениях Аристотеля появляется еще одна форма организации общества – «этнос». В большинстве случаев она прилагается к негреческим обществам, но иногда – и к греческим. О ее значении и месте см. *Доватур. Политика...* С. 11–14.

явно никакой потребности в обмене» – Pol. 1257a20–21)²³. Но именно это положение и дает отправную точку для всей его логически ориентированной схемы развития обмена. Вместе с тем Аристотель ставит эту степень развития не только в логический, но и в исторический контекст. Он выделяет следующие основные типы хозяйственной деятельности тех, «...кто непосредственно трудится над тем, что дает природа, не прибегая для добывания средств к жизни к обмену и торговле» (ἀλλοτρίης καὶ κοπιλείας): кочевой быт, земледельческий, разбой, рыболовство, охота (Pol. 1255a40–1256b1)²⁴.

На следующих стадиях развития обмен уже становится неизбежным: «Он [обмен] сделался необходимым, когда общение стало обнимать уже большое количество членов. В самом деле, в первоначальной семье [ойкосе] все было общим; разделившись, стали нуждаться во многом из того, что принадлежало другим, и неизбежно приходилось прибегать к взаимному обмену. Такой способ обмена (τὴν ἀλλοτρίην) еще и в настоящее время практикуется у многих варварских народов (τῶν βαρβαρικῶν ἔθνῶν). Они обмениваются между собой только необходимыми предметами и больше ничем; например, они обменивают вино на хлеб и наоборот и т.п. Такого рода меновая торговля (μεταβλητικῆ) и не против природы (φύσιν), и вовсе не является разновидностью искусства наживать состояние (χρηματιστικῆς), ведь ее назначение – восполнять то, чего недостает для согласной с природой самодовлеющей жизни (αὐταρκείας)» (Pol. 1257a20–30).

Таким образом, возникновение обмена в его простейшей, бартерной форме – результат определенной стадии развития общества. Согласно Аристотелю, для греческого общества его времени эта стадия – уже далекое прошлое, но в варварском мире она существует «и в настоящее время», т.е. во второй половине IV в. до н.э. Особого внимания в связи с этим заслуживает тот пример бартера у варваров, который приводит Аристотель, – обмен вина на хлеб.

Этот первый способ обмена, присущий самой ранней стадии развития общества, – бартер – может быть выражен формулой²⁵:

$$T - T_1.$$

Проблему рождения монеты и монетного обращения (следующая стадия развития обмена) Аристотель рассматривает дважды. Один раз – с точки зрения внутриволисного разделения труда и необходимости, соответственно, справедливо оценивать предметы, произведенные каждым из сограждан, второй же – с точки зрения развития внешних связей полиса²⁶.

Самым детальным образом исследуется Аристотелем эта стадия в развитии обмена и денег в «Никомаховой этике», особенно в V, 5. Важно отметить, что обмен рассматривается в рамках полиса. Уже одного этого факта достаточно, чтобы понять, что экономическая жизнь внутри полиса этого времени была целиком основана на товарно-денежных отношениях. Аристотель здесь (в рамках дискуссии о мере справедливости) анализирует отношения между «строителем дома» и «башмачником» (NE. 1133a6–10), затем усложняет картину, вводя в нее «врача» и «земледельца» (1133a17–18), и далее, говоря о результатах труда, упоминает «башмаки», «дом», «ложе», «еду» (1133b 1–28). В результате он приходит к выводу, что для общества с достаточно далеко зашедшим

²³ Можно полагать, что когда Аристотель писал об ойкосе как исторически первой форме «объединения», он имел в виду не современный ему ойкос, как это иногда предполагают (см., например: Lowry S.T. Aristotle's «Natural Limit» and the Economics... P. 58), но хорошо ему (как и всем грекам) известный ойкос гомеровских героев, который достаточно полно отвечал требованиям автаркичности. Об этом типе ойкоса см. Андреев Ю.В. Раннегреческий полис. Л., 1976. Об использовании Аристотелем данных истории см. Weil R. Aristote et l'histoire. Essai sur la «Politique». P., 1960.

²⁴ Довольно часто, по словам Аристотеля, основной способ приобретения средств для жизни дополняется и другим.

²⁵ Мы пользуемся традиционной формой обозначений, где T – товар, Д – деньги. Англоязычные ученые соответственно используют обозначения C и M, а франкоязычные – M и A.

²⁶ Детальнее см. Will E. De l'aspect éthique des origines grecques de la monnaie // Revue historique. 1954. T. 212. № 1. P. 209–231; Moreau J. Aristote et la monnaie // REG. 1969. LXXXII. P. 349–364; Picard. Aristote... P. 267–276.

разделением труда²⁷ необходима монета: «Поэтому все, что участвует в обмене (ἀλλοσύνη), должно быть каким-то образом сопоставимо. Для этого появилась монета и служит в известном смысле посредницей, ибо ею все измеряется» (NE. 1133a19–22)²⁸. «Она делает все соизмеримым, ибо все измеряют монетами» (1133b21–22). Подчеркнем, что все построение Аристотеля покоится на его идее о необходимости справедливых отношений внутри полиса, между его гражданами. Поскольку справедливость а ригіо считается основой взаимоотношений в рамках гражданского коллектива, то монета становится орудием для поддержания справедливости и тем самым и полиса: «Отношения строителя дома к башмачнику должны отвечать отношению определенного количества башмаков к дому или к еде. А если этого нет, не будет ни обмена, ни [общественных] взаимоотношений» (οὐκ ἔσται ἀλλοσύνη οὐδὲ κοινώνια) (NE. 1133a24–25)²⁹.

Вторая причина рождения монеты связана Аристотелем с развитием межполисных отношений и межполисного разделения труда. Эта сторона рассматривается им в историческом развитии. Указав на возникновение межполисного обмена, он далее показывает, как затем из этого самого простого типа торговли неизбежно развивается и денежное обращение, еще больше усложняющее общую картину: «Однако из указанной меновой торговли (μεταβλητική) развилось все-таки вполне логически и искусство наживать состояние. Когда стала больше требоваться чужая помощь для ввоза недостающего и вывоза излишков (τῆς βοηθείας τῷ εἰσάγεσθαι ὧν ἐνδεεῖς καὶ ἐκτέμλειν ὧν ἐπλεόναζον), неизбежно стала ощущаться потребность в монете (τοῦ νομίσματος), так как далеко не каждый предмет первой необходимости можно было легко перевозить. Ввиду этого пришли к соглашению давать и получать при взаимном обмене нечто такое, что, представляя само по себе ценность, было бы вместе с тем вполне сподручно в житейском обиходе, например, железо, серебро или нечто иное; сначала простым измерением и взвешиванием определяли ценность таких предметов, а в конце концов, чтобы освободиться от их измерения, стали отмечать их чеканом, служившим показателем их стоимости» (Pol. 1257a30–40)³⁰.

²⁷ Каковым являлось несомненно афинское общество его времени. См. Кошеленко Г.А. Полис и город: к постановке проблемы // ВДИ. 1980. № 1.

²⁸ Ср. в «Большой этике»: «Поскольку, однако, строитель ценит свою работу выше, чем сапожник, и сапожнику было трудно обмениваться со строителем – в обмен на обувь нельзя было брать дом, – то постановили пользоваться серебром, объявив его монетой, за которую все это можно купить» (ММ. 1194a18–22).

²⁹ К. Маркс высоко оценивал эти идеи, особенно идею равенства, которое он понимал как равенство партнеров в процессе обмена (Маркс К. Капитал // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23. М., 1960. С. 69–70). Однако у Аристотеля речь шла не вообще о равенстве, а о справедливости, справедливом равенстве. Для него принципиально важно, что контрагентами в процессе обмена являются не абстрактные товаропроизводители, а сограждане, что «по определению» требует справедливых взаимоотношений. Отошлем читателя к пояснениям Стагирита относительно того, какое «справедливое» он исследует в связи с равенством, а именно – «гражданское справедливое» (τὸ πολιτικὸν δίκαιον – ММ. 1194b3–30). Для убедительности приведем два отрывка из «Никомаховой этики». Первый: «Если сначала имеется пропорциональное равенство [работы], а затем произошла расплата, получается то, что называется [правосудным в смысле справедливого равенства]» (NE. 1133a11–12). Второй: «Расплата будет иметь место, когда справедливое равенство установлено так, чтобы земледelec относился к башмачнику, как работа башмачника к работе земледельца» (NE. 1133a33–34). Утверждение К. Маркса о том, что Аристотель не смог до конца понять проблему из-за «исторических границ общества, в котором он жил», не кажется справедливым, так как речь у Стагирита шла не о том, что увидел К. Маркс. См. также Железнов. Экономическое мировоззрение... С. 243–244.

³⁰ По мнению некоторых ученых (e.g. Picard. Aristote... P. 269), эта идея не принадлежит Стагириту, а представляет собой повторение идей, которые были развиты достаточно подробно Платоном в его «Республике» (Resp. II, XI–XII, 368b4–372c1). Исходя из этого утверждают, что выводы Аристотеля не имеют большой ценности, поскольку Платон излагал μῦθος. Однако этот вывод представляется довольно спорным, так как согласие Стагирита с некоторыми из взглядов его учителя не может считаться доказательством их ошибочности. Скорее всего, Аристотель повторял выводы Платона потому, что его собственный опыт убедил его в справедливости их. Аристотель глубоко интересовался проблемами денежного обращения, о чем свидетельствуют, в частности, упоминания различных монет греческих городов: Акраганта, Кирены, Сиракуз, Тарента и Тенедоса (Fragm. 476, 529, 589, 590, 593 Ross.), а также монетной реформы Солона в «Афинской политике» (IV. 10) – упоминание, которое до сего времени не получило общепринятой интерпретации.

Итак, данная стадия развития обмена характеризуется введением денег, которые облегчают обмен, не меняя его принципиально. Эта форма обмена может быть выражена формулой:

$$T - D - T_1.$$

Следуя логике Аристотеля, можно утверждать, что такая форма обмена в его время широко присутствует в греческом мире, а также у части варварских народов. Обратимся к грекам. Греческий мир времени Аристотеля – это мир полисов, которые для Стагирита являются наивысшей формой организации человеческого общества. Полис, как и все более низкие его формы, стремится «к благу», но поскольку он представляет наивысшую форму сообществ, то и благо, которое является его целью, – «наивысшее из всех благ» (Pol. 1252a1–7). Соответственно, один из важнейших элементов в общей структуре «благой жизни» составляет автаркия: «Общество, состоящее из нескольких селений (κωμῶν), есть вполне завершённое государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния (αὐτάρκειας) и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни (εὖ ζῆν)» (Pol. 1252b28–31). «Самодовлеющее существование оказывается и завершением, и наивысшим существованием» (ἡ δ' αὐτάρκεια καὶ τέλος καὶ βέλτιστον – Pol. 1252b34–35). Автаркия является целью и идеалом полиса³¹. Она должна обеспечиваться рядом условий как духовного, так и материального характера. Оставим в стороне условия духовного характера. Условия же материальные означают наличие в распоряжении полиса всех материальных условий, необходимых для достойной жизни. Обычно считается, что автаркия в этом смысле означает полное отсутствие внешних связей, тем более что во взглядах Аристотеля (как и Платона) важное место занимает положение о нежелательности влияния иностранцев, особенно иностранцев-торговцев, на состояние умов в полисе.

Однако дальнейший анализ ясно показывает, что для Аристотеля понятие автаркии не означает отказа от внешних экономических связей, что проистекает из его реалистического видения жизни. Анализируя условия существования полиса, он, естественно, особое внимание обращает на имеющуюся в его распоряжении сельскохозяйственную территорию (хору). Этот вопрос он рассматривает сначала с точки зрения количественной (необходимые размеры хоры и населения полиса), а затем переходит к качественной стороне: «Что касается ее [хоры] свойств, то, очевидно, всякий одобрил бы такую хору, которая обеспечивает полису наибольшую автаркию. Таковой является хора, приносящая всякого рода продукты, так как автаркия и заключается в том, чтобы не было ни в чем недостатка» (Pol. 1326b26–30).

В тесной связи с этим находятся и рассуждения Аристотеля (в «Политике») относительно географического положения полиса, в частности о близости к морю. Говоря о проблеме пребывания в полисе иностранцев, философ указывает: «Но если не считается с указанными неудобствами, то совершенно очевидно, что сообщению города (τῆν πόλιν) и всей территории (τῆς χώρας) государства с морем дает большое преимущество и для обеспечения безопасности государства, и для обильного снабжения его всем необходимым... Точно так же удобнее для государства получать те необходимые продукты, каких у него нет, а излишек своих продуктов переправлять

³¹ Аристотель уделял проблеме автаркии (самодостаточности, т.е. способности самостоятельно удовлетворять свои потребности) особое внимание и касался этого вопроса неоднократно. В «Никомаховой этике» он, в частности, указывает, что отдельно взятый человек не может быть самодостаточным, помимо добродетельной души ему необходимы еще и некоторые «внешние» условия: «... чтобы тело было здорово, чтобы была пища и прочий уход» (NE. 1178b35–1179a1). Несколько более развернутое описание самодостаточности дано в другом месте того же произведения: «Понятие самодостаточности мы применяем не к одному человеку, ведущему одинокую жизнь, но к человеку вместе с родителями и детьми, женой и вообще всеми близкими и согражданами, поскольку человек – по природе [существо] общественное» (NE. 1097b8–11).

за границу, ведь государство должно вести торговлю в своих собственных интересах, а не в интересах других» (Pol. 1327a17–30).

Итак, внешняя торговля (вывоз излишков и ввоз того, чего не достает) – один из методов достижения автаркии. В «Риторике», обсуждая характер совецательных речей, Аристотель более конкретно рассматривает вопрос о снабжении полиса необходимым продовольствием: «В вопросе о продовольствии страны [необходимо знать], какое потребление достаточно для государства и каковы продукты, производимые страной и ввозимые в нее, а также – в каких государствах нуждается страна для вывоза продуктов и в каких для ввоза, чтобы заключать с ними договоры и торговые соглашения» (Rhet. I. 4. 1360a12–17)³².

Следовательно, обмен через посредство монеты Аристотель объясняет и теоретически (на двух уровнях), и практически, опираясь на собственные наблюдения над существовавшими в его время отношениями. Аристотель приходит к убедительным выводам о природе монеты. Он впервые сформулировал идею о деньгах как мере стоимости, показал происхождение денег как товара, обладающего внутренней ценностью, им отмечена функция денег как средства образования сокровищ и длительного хранения стоимости для использования в будущих актах обмена³³.

В связи со сказанным будет уместно привести определение Аристотелем имущества через деньги: «А имуществом мы называем все, стоимостью чего измеряется деньгами» (NE. 1119b25–26).

Особого внимания заслуживает следующее обстоятельство: Аристотель подчеркивает экономическую основу возникновения монеты. Это объяснение в течение достаточно длительного времени воспринималось исследователями как безусловная истина³⁴. Однако в последние десятилетия подобные взгляды подверглись сомнению. Решающую роль в этом пересмотре сыграла «новая ортодоксия», в частности работы М. Финли. Для него возникновение в древней Греции монеты определялось самыми различными, но не экономическими факторами. М. Финли с одобрением цитировал Дж.М. Кейнса, который считал, что древнегреческая монета была в первую очередь явлением политическим – «частью местной суетности, патриотизма или пропаганды, не имеющим далеко идущих последствий»³⁵. Подтверждение этому М. Финли видел, среди прочего, в том, что наиболее развитые из соседей Эллады, такие как финикийцы, египтяне, этруски и римляне, очень поздно последовали примеру греков³⁶.

В последнее время вышел ряд работ, в которых (не без влияния М. Финли) делались попытки доказать, что возникновение и распространение монеты были порождены не экономическими, а политическими, религиозными и(или) иными причинами³⁷. Ныне ситуация начала меняться. Все громче и убедительнее звучат голоса тех ученых, которые, опираясь на новые материалы, доказывают, что при всей важности политических, религиозных и прочих причин все же решающая роль в процессе возникновения монеты принадлежит экономическому фактору и даже намеченные

³² Подробнее об этой проблеме см. *Bresson A. Aristote et le commerce extérieur // Revue des Études Anciennes. 1987. 89. P. 217–238* (переизд. в кн.: *idem. La cité marchande. P. 109–130*).

³³ «И если сегодня нет ни в чем нужды, то монета служит нам как бы залогом возможности обмена в будущем, если возникнет нужда» (NE. 1133b11–13). Подробнее см. *Аникин. Аристотель... С. 46* сл.

³⁴ См., например, *Glott G. Histoire grecque. V. I. P., 1925. P. 228 suiv.; Зограф А.Н. Античные монеты. М.–Л., 1951. С. 23* сл.

³⁵ *Keynes J.M. Treatise on Money. V. I. The Pure Theory of Money. L., 1930. P. 12.*

³⁶ *Finley. The Ancient Economy... P. 166.*

³⁷ Список подобных исследований весьма велик. Можно указать на следующие работы, в которых доказывается это положение: *Will. De l'aspect éthique ... P. 209–231; Kraay C.M. Hoards, Small Change and the Origins of Coinage // JHS. 1964. 84. P. 76–91; Grierson Ph. The Origins of Money. Oxf., 1977. P. 9 ff.* В качестве примера назовем также некоторые из новых работ: *Seaford R.A. Reciprocity and Ritual. Oxf., 1994. P. 199–206, 220–234; Reden S. von. Exchange in the Ancient Greece. L., 1995. P. 171–221; eadem. Money, Law and Exchange: Coinage in the Greek Polis // JHS. 1997. CXVII. P. 154–176; Martin Th.R. Why Did Greek Polis Originally Need Coins? // Historia. 1996. Bd 45. Ht 3. S. 257–283.*

Аристотелем предшествующие (домонетные) способы измерения стоимости действительно существовали³⁸.

Широкое использование монеты привело к изменениям в обществе. Мы не будем касаться всех результатов, отметим только, что произошли значительные изменения в менталитете греков – распространились представления о деньгах как «товаре товаров». Напомним, например, что в рассказе Фукидида о событиях, предшествующих Пелопоннесской войне, в речах и представителем Афин (включая Перикла), и их противников особое значение придается деньгам как показателю могущества. Особенно ярко это изменение проявляется в их отношении к храмовым сокровищницам, как общеполисным, так и принадлежащим отдельным ассоциациям. Постепенно они начинают все более рассматриваться не с чисто религиозной точки зрения, но как своего рода «финансовый резерв»³⁹. Весьма показательно, что в определениях богатства, которые дает Аристотель, в число их составляющих входят деньги, как, например: «Составными частями богатства являются обилие монеты, обладание землей и недвижимой собственностью, а также множеством стад и рабов, рослых и красивых» (Rhet. 1361a12–15)⁴⁰; другой пример: «Под богатством зачастую понимают именно приобилие денег» (Pol. 1257b9).

Естественным результатом этой новой ситуации стало появление и нового типа обмена, который может быть выражен формулой:

Д – Т – Д₁.

Разница между предыдущим и данным типами обмена определяется их целью. Если первый ориентирован на получение материальных благ, которые необходимы для оптимального существования индивида или коллектива, то второй – на получение «выгоды», торговая операция имеет своей целью приумножение денежных средств, вовлеченных в обмен⁴¹.

В связи с обсуждением данной проблемы Аристотель обращается к собственности и типологии экономики, ставя вопрос о том, «...что такое собственность (κτησεως) вообще и в чем заключается искусство наживать денежное состояние (χρηματιστικης)» (Pol. 1256a1–3)⁴². Затем он уточняет свой вопрос: «...тождественно ли искусство наживать денежное состояние (η χρηματιστικη) с наукой о домохозяйстве (τη οικονομικη) или это искусство есть часть данной науки» (Pol. 1256a4–6). Стагирит приходит к выводу, что «...искусство наживать состояние не тождественно науке о домохозяйстве: в одном случае речь идет о приобретении средств, в другом –

³⁸ См., например, *Kim H.S. Archaic Coinage as Evidence for the Use of Money // Money and its Uses in the Ancient Greek World / Ed. A. Meadows, K. Shipton. Oxf., 2001. P. 6–21*. Еще в 1980 г. О. Пикар писал о несерьезности одного из важнейших аргументов сторонников неэкономического происхождения монеты, а именно утверждения, что ранние номиналы слишком велики, чтобы обеспечить денежной массой каждодневные, мелкие сделки на рынке. Он, в частности, указал, что в первых эмиссиях имелись номиналы в 1/96 статера (*Picard. Aristote... P. 268*).

³⁹ См. *Davies J.K. Temples, Credit, and the Circulation of Money // Money and its Uses... P. 117–127*.

⁴⁰ В еще более яркой форме это представление выражено в комментариях Аспасия к «Никомаховой этике» (*Aspasii in Ethica Nicomachea quae supersunt commentaria... ed. G. Heylbut. V., 1889*). В комментариях к IV, 1, 1119b23 он дает такое понимание термина *χρηματα*: «Вещью, обладающей ценностью (*χρηματα*), называется, по преимуществу, то, цена чего измеряется деньгами, как-то: дом, рабы, обстановка, утварь, скот и т.п. Ибо то, чего стоит каждая из этих вещей, можно измерить деньгами» (перевод: *Колобова, Фролов. Аристотель... С. 20*).

⁴¹ Аристотель не единожды подчеркивал разницу между двумя моделями экономического поведения, определяемого целями. Отметим, что понятие «цель» вообще играло очень важную роль в построениях философа. См, например, в общей форме NE. 1115b22; Met. IX. 1050a22–24. Подробнее см. *Meikle S. Aristotle and Exchange Value // A Companion to the Aristotle's Politics / Ed. D. Keyt, D. Miller. Oxf., 1991* (переизд. в кн.: *Aristotle (384–322 BC) / Ed. M. Blaug. Aldershot, 1991*).

⁴² С.А. Жебелев переводит: «искусство наживать состояние». По мнению В.Я. Железнова, правильнее было бы перевести как «искусство беспредельной наживы», но он предпочитает просто сохранить термин Аристотеля без перевода (Экономическое мировоззрение... С. 174). По-моему, более правильный перевод: «искусство наживать денежное состояние». См. также прим. 10.

о пользовании ими». С его точки зрения, «...вопрос о том, представляет ли искусство наживать состояние часть науки о домохозяйстве, или оно является особой, отличной от нее отраслью знания, вызывает затруднения» (Pol. 1256a10–15).

В дальнейшем изложении он снимает их, выделяя два вида искусства приобретения (κτητικῆς). Один из них является «...по природе своей (κατὰ φύσιν) частью науки о домохозяйстве» (τῆς οἰκονομικῆς μέρος ἐστίν – Pol. 1256b27–28). Он органически связан с обычным функционированием таких сообществ, как ойкос и полис (πρὸς ζῶν ἀναγκάων καὶ χρησίων εἰς κοινωνίαν πόλεως ἢ οἰκίας – Pol. 1256b28–29). Основная особенность этого типа искусства приобретения состоит в том, что границы его не беспредельны. Он только должен обеспечить «благую жизнь», т.е. нормальное существование гражданина, естественные потребности которого отнюдь не безграничны.

Другой же «род искусства приобретения» (γένος ἄλλο κτητικῆς) «...обыкновенно называют, и с полным правом, хрематистикой» (Pol. 1256b40). Главное отличие хрематистики от ойкономики состоит в том, что с ней «...связано представление, будто богатство и нажива не имеют никакого предела» (δι' ἣν οὐδὲν δικεῖ πέρας εἶναι πλοῦτου καὶ κτήσεως – 1256b41). Аристотель определяет разницу между ними следующим образом: «Многие полагают, что это искусство вследствие его близкого соседства с искусством приобретения тождественно с последним; на самом деле оно не тождественно с названным, но не является и далеким от него: одно из них существует по природе, другое – не по природе, но больше за счет известной опытности и технического приспособления» (τέχνης) (1257a2–5). «Целью домохозяйства служит не накопление денег», тогда как целью хрематистики «...оказывается богатство и обладание деньгами» (Pol. 1257b29–31). Анализ этой цепи рассуждений Аристотеля приводил ученых к различным выводам. Сторонники «примитивистских» подходов обычно считали, что позиция Аристотеля – это позиция моралиста, а не теоретика-экономиста⁴³, однако, как мы видим, здесь нет абсолютно никаких попыток введения моральных критериев в достаточно строгую структуру чисто экономического анализа⁴⁴.

Хрематистика теснейшим образом связана с торговлей. «Торговля (ἡ δὲ καλεῖται), по-видимому, имеет дело главным образом с денежными знаками, служащими необходимым элементом и целью всякого обмена» (τῆς ἀλλαγῆς) (Pol. 1257b22–25). Основой, которая обеспечивает получение прибыли при торговле, является разница между себестоимостью и продажной ценой. Аристотель в «Никомаховой этике» уже делал подобное наблюдение, подчеркивая роль потребности: «Поистине такой мерой является потребность (χρεῖα), которая все связывает вместе» (NE. 1133a25–26). Необходимо также обратить внимание на то место в «Большой этике», где один из последователей Аристотеля подчеркивал, что в процессе обмена на рынке «...каждый за свою вещь назначал цену, и так производили обмен друг с другом; тем самым поддерживалась государственная общность» (MM. 1194a22–25). Но наиболее ярко и в наиболее завершенной форме взгляды Аристотеля изложены в «Политике»: «Пользование каждым объектом владения бывает двоякое; в обоих случаях пользуются объектом как таковым, но не одинаковым образом; в одном случае объектом пользуются по его назначению, в другом – не по назначению; например, обувь пользуются и для того, чтобы надевать ее на ноги, и для того, чтобы менять ее на что-либо другое. И в том, и другом случае обувь является объектом пользования: ведь и тот, кто обменивает обувь имеющему в ней надобность на деньги или на пищевые продукты, пользуется обувью как обувью, но не по назначению, так как оно не заключается в том, чтобы служить предметом обмена» (Pol. 1257a6–13). Ряд исследователей считают этот тезис важнейшим в экономической концепции Аристотеля и настоящим отправным пунктом в исследовании экономики, поскольку Аристотель впервые ввел понятия потребительской стоимости (use-value) и меновой сто-

⁴³ См., например, *Ross W.D. Aristotle. L., 1949; Finley. Aristotle... P. 3–25.*

⁴⁴ Данная точка зрения сейчас достаточно широко распространена. См., например: *Meikle. Aristotle and the Political Economy ... P. 57 ff.; Lotito G. Aristotele su moneta, scambio, bisogni // Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici. IV. Pisa, 1980. P. 131; Natali. Aristote... P. 305.*

имости (exchange-value) и выявил различие между ними⁴⁵. Само это различие играло важнейшую роль и создавало возможность наживаться на торговле⁴⁶.

Кроме того, важным обстоятельством является то, что в основу образования рыночной цены Аристотель положил понятие «потребности» (χρεία), предложив этому рациональное объяснение⁴⁷. Мы далеки от того, чтобы на этом основании видеть в Аристотеле родоначальника «субъективной» школы, как это пытается сделать Дж. Соудек⁴⁸, но совершенно несомненно, что исходные позиции Аристотеля в этом вопросе весьма далеки от всякого намека на трудовую теорию стоимости или ее зачаточную форму, на что, как кажется, намекает Дж. Шампетер⁴⁹.

В научной литературе обычно отмечают отрицательное отношение Аристотеля к обмену⁵⁰. Действительно, в отличие от домохозяйства, которое Стагирит считает заслуживающим похвалы, торговля вызывает у него порицание. Однако вопрос здесь не так прост, как кажется на первый взгляд, поскольку Аристотель обосновывает свое отношение тем обстоятельством, что торговля возникла в силу необходимости взаимного обмена между людьми (Pol. 1258a40 – 1258b1)⁵¹.

Наибольшее осуждение Аристотеля вызывает та форма обмена, которая выражалась формулой:

Д – Д₁.

Эта – ростовщичество, т.е. увеличение денег путем их собственного движения, что Аристотель резко осуждал: «Поэтому с полным основанием вызывает ненависть ростовщичество, так как оно делает сами денежные знаки предметом собственности, которые, таким образом, утрачивают то свое назначение, ради которого были созданы: ведь они возникли ради меновой торговли, взимание же процентов ведет именно к росту денег... Этот род наживы оказывается по преимуществу противным природе» (Pol. 1258b2–8)⁵².

Логика мысли Аристотеля здесь предельно ясна. Монета возникла как подсобное средства для облегчения обмена. Обмен – совершенно закономерное явление в столь высокоразвитом обществе, как греческое, без него невозможно его нормальное функционирование. Аристотель сравнивает рабство и монету. Как существует рабство «по природе» (независимо от судьбы отдельного человека, попавшего в плен и ставшего рабом), точно так же «по природе» существует и монета⁵³. Однако вызванные естественными причинами силы оказываются на свободе, и на следующей стадии развития обмен уже совершается не ради получения товаров, необходимых для жизни гражданина или полиса. Теперь целью становятся уже сами деньги, а товар – только средством для их получения. Естественно, что эту форму развития обмена Аристотель определяет как форму «против природы». Ростовщичество завершает эволюцию обмена, поскольку из него оказывается вообще выключенным товар. Тем са-

⁴⁵ *Roll. A History of Economic Thought...* P. 34–35; *Meikle. Aristotle's...* P. 8; *idem. Aristotle on Business // CQ. 1996. N.S. 46. № 1. P. 139; Аникин. Аристотель...* С. 42 сл.

⁴⁶ Аристотель сам приводит некоторые примеры обогащения с использованием, например, искусственно созданной монополии: рассказы о Фалесе Милетском (Pol. 1259a7–20) и о некоем сицилийце (Pol. 1259a25–30). Считается, что он впервые ввел в науку само понятие монополии. О торговой монополии см. также *Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики. Общество. Личность. Власть. СПб., 2001. С. 41 сл.*

⁴⁷ См., например, мнение Дж.Ф. Белла: «Аристотель считал стоимость субъективной, зависящей от полезности товара. Обмен покоится на потребностях людей... Когда обмен справедлив, он покоится на равенстве потребителей, а не на издержках в смысле затрат труда» (*Bell J.F. A History of Economic Thought. N.Y., 1953. P. 41*).

⁴⁸ *Soudek. Aristotle's Theory...* passim (опираясь в значительной мере на книгу: *Железнов. Экономическое мировоззрение...*).

⁴⁹ *Schumpeter. History...* P. 60–61.

⁵⁰ См., например: *Ross. Aristotle. P. 243* («в его взглядах слишком сильно отражается обычное греческое предубеждение в отношении торговли как недостойного занятия»); *Mulgan R.G. Aristotle's Political Theory. Oxf., 1977. P. 49* («выражение аристократического отношения к богатству с его предпочтением земельной собственности и его предубеждением по отношению к торговле»).

⁵¹ Подробное мнение развито С. Мейклом (*Aristotle's...* P. 47 ff.).

⁵² *Колобова, Фролов. Аристотель...* С. 15; *Казакевич Э.Л. О роли ранних форм капитала в Афинах IV в. до н.э. (В свете экономической теории Маркса) // ВДИ. 1958. № 2.*

⁵³ Подробнее см. *Picard. Aristote...* P. 271.

мым развитие обмена приходит к своему логическому и диалектическому концу, переставая выполнять ту функцию, ради которой он возник.

Соответственно, у Аристотеля появляется и моральная оценка деятельности ростовщика: «А другие в свою очередь преступают меру в приобретении, беря откуда угодно и что угодно, как, например, те, чье ремесло недостойно свободных: содержатели публичных домов и все им подобные, а также ростовщики, [дающие] малую [ссуду] за большую [лихву]» (NE. 1121b33–35). Методы приобретения богатства, естественно, оцениваются очень низко: «По-видимому, всем им одинаково присущи позорные способы наживы» (NE, 1122a1–2).

Весьма показательно, что именно к концу V – началу IV в. до н.э. относятся первые сведения о деятельности трапезитов – профессиональных ростовщиков. В этой связи нельзя не вспомнить о Пасионе и Формионе, стоявших во главе знаменитой трапезы – настоящей банковской фирмы дома в Афинах, о деятельности которого известно по речам Исократ (XVII) и Демосфена (XXXVI, XLV, XLVI, XLIX)⁵⁴.

Как видим, две последние формы обмена во времена Аристотеля играли важную роль в экономике Греции, но вызывали негативное к себе отношение философа⁵⁵. Причин этого было, по крайней мере, две, но обе имели общее происхождение. Во-первых, Аристотель подчеркивал различие между ойкономикой и хрематистикой, которое на первый взгляд казалось количественным, но в действительности было качественным. Ойкономика означала приобретение средств, необходимых для достойного существования как отдельного гражданина, так и всего коллектива, при этом приобретение – конечно. Действительно, потребление имеет естественные границы, определяемые особенностями человеческого организма. Конечно, уже тогда известно «сверхпотребление», но Аристотель имел в виду обычный полис, ориентированный на нормальное существование без экстравагантных излишеств.

Однако опыт истории показывал, что определенная тенденция в этом отношении вполне реальна. Можно вспомнить Псевдо-Ксенофонтову «Афинскую политику», автором которой обычно считают некоего «старого олигарха». В тексте этого произведения имеется прямое указание на склонность афинян к гурманству и изысканной пище: «А если уж упоминать и о менее важном, то афиняне благодаря владычеству на море прежде всего завели у себя всякие способы угощения, по мере того как завязывали сношения тут с одними, там с другими. Таким образом всякие вкусные вещи, какие только есть в Сицилии, в Италии, на Кипре, в Египте, в Лидии, в Понте, в Пелопоннесе или где-нибудь в другом месте, – все это собралось в одном месте благодаря владычеству над морем» (Ps.-Xen. Athen. Pol. II. 7)⁵⁶.

⁵⁴ Фролов. Греция в эпоху поздней классики... С. 38 сл.; Глускина. Проблемы социально-экономической истории Афин... С. 71–100; Millett P. Lending and Borrowing in Ancient Athens. Camb., 1994.

⁵⁵ В этом отношении он был не одинок. В Спарте после победы над Афинами горячо обсуждался вопрос о введении нормального денежного обращения (подробнее см. Маринович Л.П., Кошелев Г.А. От величия к падению: Спарта в конце V – начале IV в. до н.э. // Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 2002. С. 47–68). Об этом рассказывается в биографии Лисандра, написанной Плутархом. Анализ традиции показывает, что и Феопомп, и Эфор, послужившие источниками для Плутарха, решительно осуждали власть денег (Picard. Aristote... P. 271). Характерно также, что в комедии Аристофана «Женщины в народном собрании» вопрос о роли денег также обсуждается, и «новые Афины», полис счастливый и миролюбивый, отказывается от монеты как явного зла.

⁵⁶ Еще более длинный список чужеземных деликатесов и других предметов потребления приводит Гермипп в одной из своих комедий: «Из Кирены – сильфия и шкурки быков; из Геллеспонта – скумбрия и разнообразная соленая рыба; из Фессалии – зерно и бычьи ребра... сиракузяне доставляют свиней и сыр... из Египта – подвесные паруса и папирус; из Сирии – ладан; прекрасный Крит [шлет] кипарисовые деревья для богов, Ливия доставляет для продажи много слоновой кости, Родос – изюм и фиги, сладкие как сон. Из Евбеи же [мы получаем] груши и тучных овец и баранов, рабов – из Фригии, наемников – из Аркадии. Пагасы доставляют рабов и клейменных преступников. А желуди Зевса и блестящий миндаль везут пафлагонцы как посвящение для пиров. Финикия шлет плоды пальмы и прекрасную пшеничную муку. Карфаген же – ковры и пестрые подушки» (Athen. Deipnosoph. I. 27 e–f. Пер. К.М. Колобовой // Древний город Афины и его памятники. Л., 1961. С. 97).

Во всяком случае, Стагирит имел в виду «благую» жизнь граждан, что предполагало определенный уровень благосостояния, но не чрезмерный. Эта мысль – одна из ведущих идей во всем комплексе его представлений о полисе⁵⁷. В этом отношении Аристотель был выразителем тех представлений, которые превалировали в теоретической мысли его времени⁵⁸. Вместе с тем Аристотель подчеркивал, что в его время все более распространяется стремление к богатству: «...ясно, что всякого рода богатство должно бы иметь свой предел, но в действительности, мы видим, происходит противоположное: все занимающиеся денежными оборотами (οἱ χρηματιζόμενοι τὸ νόμισμα) стремятся увеличить количество денег до бесконечности» (Pol. 1257b32–34)⁵⁹. Независимо от моральной оценки их деятельности Аристотель понимает ее мотивы и цели. Он считает, что деятельность людей определяется их экономической позицией в обществе⁶⁰.

Знаменательно, что в целом ряде текстов IV в. до н.э. прославляются богатство и люди, которые это богатство добыли (удвоили или даже утроили вне зависимости от методов достижения этого)⁶¹. Соответственно включенность в процесс приобретения денежного богатства гражданина приводит к отмиранию в нем гражданских доблестей, ибо цели его жизни направлены не на приобретение тῆς, но на то, что выходит за рамки системы ценностей истинного гражданина⁶². По наблюдениям Аристотеля, стремление к безграничному накоплению богатств приводит к тому, что стираются границы в выборе и использовании методов их приобретения. В конечном счете, «...если люди не в состоянии достигнуть своей цели при помощи искусства наживать состояние [в денежной форме] (τῆς χρηματιστικῆς), то они стремятся к ней иными путями и для этого пускают в ход все свои способности вопреки даже голосу природы (οὐ κατὰ φύσιν)... для достижения цели приходится идти на все» (Pol. 1258a7–14). Пассаж весьма показателен. С точки зрения Аристотеля, стремление к безграничному богатству может привести к переходу всех границ и стать причиной законченного аморализма⁶³.

Кроме кратких, хотя и выразительных оценок (например, «а чья цель – деньги или что ведет к деньгам, тот довольно-таки непригляден» – NE. 1127b12–13) он дает и всеобъемлющую характеристику богача: «Что касается характера, который связан с богатством, то его легко видеть всем: [обладающие им люди] высокомерны и надменны, находясь в некоторой зависимости от богатства. Они так настроены, как будто обладают всеми благами; богатство есть как бы мерка для оценки всех ос-

⁵⁷ Специально Аристотель касается этого вопроса в «Никомаховой этике» (NE. 1118b16–20), но особенно ярко эти идеи представлены его последователем в «Большой этике». Он выступает безоговорочным сторонником «середины». В одном из мест этого произведения он специально говорит об еде и питье: «То же самое с питьем и едой: при очень большом количестве их здоровье портится, при малом – также, а когда все в меру, силы и здоровье сберегаются» (MM. 1185b21–22).

⁵⁸ Krämer H.J. Arete bei Platon und Aristoteles. Heidelberg, 1959. S. 194–201.

⁵⁹ Детальнее см. Natali. Aristotele... P. 316.

⁶⁰ Мысль развивается в кн.: Croix G.E.M. de Ste. The Class Struggle in the Ancient Greek World. L., 1981. P. 71, 73, 78, 79; cf. Irvin T.H. Moral Science and Political Theory in Aristotle // Crux. Essays in Greek History Presented to G.E.M. de Ste. Croix / Ed. P.A. Cartledge, F.D. Harvey. Exeter, 1985. P. 150–168.

⁶¹ У Ксенофонта эта идея находит достаточно яркое выражение. В его «Экономике» богатый афинянин Критобул просит Сократа посоветовать, как обогатить свой дом (Xen. Oec. II. 1). Главный положительный герой произведения Исхомах также стремится к умножению богатства, замечая, правда, что этого надо достигать достойным путем (καλῶς) (XI. 8).

⁶² Явно не случайно Аристотель активно настаивал на том, чтобы гражданские почести в полисном коллективе ни в коей мере не были связаны с деньгами: «Прекрасно и все то, возмездием за что служат призы и с чем сопряжено более почета, чем денег» (Rhet. 1366b33). См. также: «И победа, и почет принадлежат к числу прекрасных вещей, потому что как то, так и другое желательнее, даже если и не соединено ни с какой материальной выгодой, и так как обе эти вещи служат признаком выдающихся достоинств» (Rhet. 1367a21–23).

⁶³ В качестве абсолютно аморальных профессий Аристотель называл содержателя публичного дома и ростовщика (см. выше).

тальных благ, поэтому кажется, что все они могут быть куплены с помощью богатства. Они склонны к роскоши и хвастовству, – к роскоши ради самой роскоши и ради выказывания своего внешнего благосостояния; они хвастливы и дурно воспитаны, потому что все люди обыкновенно постоянно говорят о том, что они сами любят и чему удивляются, и потому что они [то есть богатые] думают, что другие заботятся о том же, о чем они. Вместе с тем они вправе так думать, потому что есть много нуждающихся в тех, кто имеет [состояние]... [Богатые отличаются] еще тем, что считают себя достойными властвовать, потому что, по их мнению, они обладают тем, что делает людей достойными власти. И вообще характер, сообщаемый богатством, есть характер человека неразумного и счастливого. Характер у людей, недавно разбогатевших, и у людей давно богатых, различен именно тем, что люди, недавно разбогатевшие, обладают всеми пороками в большой и худшей степени, потому что быть вновь разбогатевшим значит как бы быть невоспитанным богачом. И несправедливые поступки, которые они совершают, порождаются не злобой, но высокомерием и невоздержанностью, как, например, побои и прелюбодеяние» (Rhet. 1390b31–1391a19).

Другое обстоятельство, которое, видимо, заставляло отрицательно относиться к данной форме обмена, это то, что рост денежного богатства вызывал стремление скрыть его от сограждан – столь важная для IV в. до н.э. проблема «видимого» и «невидимого» имущества⁶⁴. Видимое богатство означало возможность определенной степени контроля гражданского коллектива, возможность возложить на богатого согражданина бремя расходов на общеполитические цели – различного рода литургии. Политическая этика считала это необходимым. Превращение богатства в деньги делало богатство как бы невидимым и, соответственно, выводило из-под контроля граждан. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что в IV в. до н.э. экономические интересы «элиты» афинского полиса все более смещались в сторону тех сфер деятельности, которые были более тесно связаны с «монетной» формой богатства, чем традиционное сельское хозяйство и землевладение⁶⁵.

На фоне этих и подобных им высказываний особенно красноречиво звучит совсем иная мысль Стагирита: «Прекраснее также собственность, не приносящая дохода, как более соответствующая достоинству свободного человека» (Rhet. 1367a27) – недостижимый для его времени идеал, скорее более отвечающий аристократической системе ценностей.

Особый вопрос – соотношение теоретических построений Аристотеля с афинскими реалиями его времени. Не касаясь сейчас свидетельств о мелкой торговле на агоре, обратимся к масштабной внешней торговле. Как известно, особое место (по значению и объему) в этой торговле занимало зерно, поступавшее в Афины из разных областей античного мира, но более всего с территории Боспорского царства. Наиболее полная сводка сведений по этой теме содержится в «Корпусе речей Демосфена»⁶⁶.

Ограничимся одним из эпизодов морской торговли, о котором рассказывается в речи «Против Лакрита, на возражение о неподсудности дела» (речь XXXV), датиру-

⁶⁴ Gernet L. Choses visibles et choses invisibles // Gernet L. Anthropologie de la Grèce antique. P., 1968. P. 405–414 (первоначально опубликовано: Revue philosophique. Т. 146. janv.-mars, 1956. P. 79–86); Pecirka J. The Crisis of the Athenian Polis in the Fourth Century B.C. // Eirene. Studia Graeca et Latina. 1976. XIV. P. 23–24.

⁶⁵ См. детальное исследование К. Шиптон (Shipton K. Money and the Elite in the Classical Athens // Money and its Uses... P. 129–144), доказавшей, как кажется, насколько верхушка полиса («литургический класс» и близкие ему группы гражданства) была заинтересована в эксплуатации серебряных приисков в Лаврионе. Ею же показано (с той же степенью убедительности), что аренда государственных земель мало интересовала этот слой гражданства. Аренда была уделом преимущественно малообеспеченных слоев и служила целям не «преуспеяния», а «выживания».

⁶⁶ См. Маринович Л.П. Морская торговля Афин (по данным «Корпуса речей Демосфена») // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VI. Москва – Магнитогорск, 1998. С. 4–30.

емой временем около 351 г. до н.э.⁶⁷ Эта речь описывает следующую процедуру торгового предприятия: на деньги, взятые под «морские проценты» у трапезита, торговец закупает в Менде (или Скионе) вино. Прибыв в пределы Боспорского царства, он продает это вино и на вырученные деньги покупает боспорский хлеб. Вернувшись в Пирей, он продает зерно и возвращает свой долг (с процентами) трапезиту. Перед нами, очевидно, довольна типичная схема действий.

В самой общей форме картина этого торгового предприятия выглядит следующим образом:

$$Д - Т - Д_1 - Т_1 - Д_2.$$

При этом Д обозначает деньги, которые торговец занимает у афинского трапезита для того, чтобы осуществить торговое предприятие, в данном случае путешествие на Боспор для закупки хлеба. Т – это вино, приобретенное им на средства, полученные от трапезита. Д₁ – деньги, вырученные им от продажи вина на Боспоре. Т₁ – хлеб, который он приобрел там. Наконец, Д₂ – деньги, которые возвращаются навклером трапезиту. Безусловно, что предприятие это – достаточно выгодно, поскольку средств хватает на транспортировку товара, погрузку, выгрузку, оплату экипажа⁶⁸, некую прибыль для торговца (иначе не было бы желания пускаться в долгое и опасное плавание) и на возвращение долга с процентами трапезиту.

Данную схему можно интерпретировать по-разному. Если взять только ее центральную часть, то она полностью отвечает идеальной схеме Аристотеля – Т – Д – Т, т.е. схеме торговли для приобретения необходимых для жизни полиса товаров, в данном случае зерна. Но если принять к рассмотрению только начальный и конечный элементы формулы, то получается классическая схема ростовщического капитала: Д – Д₂. Эти внутренние противоречия в схеме отражают, как нам кажется, внутреннюю противоречивость самого процесса внешней торговли Афин того времени. Насколько свидетельствуют данные Демосфенова «Корпуса», вся торговля Афин с Боспором базировалась на заемных деньгах, что давало трапезитам существенные прибыли. Таким образом, при рассмотрении проблемы исхода только из начала и конца предприятия, пожалуй, не будет слишком рискованно утверждать, что внешняя торговля служила обогащению прежде всего ростовщиков.

Соответственно, сознавая свою роль в этой жизненно важной для Афин сфере деятельности, кредиторы требовали от афинян изменения стереотипов мышления, которое постоянно было антиростовщическим⁶⁹. В одной из речей (по делу против Дионисодора) один из таких кредиторов произносит знаменательные слова: «Граждане афинские, не забывайте, что, разбирая сейчас этот отдельный случай, вы выступаете законодателями для всей торговой части гавани, и что большое число людей, занимающихся морской торговлей, внимательно наблюдают за вами, как вы решаете это дело. Если вы подтвердите необходимость строгого соблюдения договоров и взаимных соглашений и ни в чем не будете прощать их нарушителей, то те, кто живет на прибыли от кредитов, с большей охотой станут вкладывать свои деньги, а от этого возрастет благосостояние вашего порта» (Dem. LVI. 48). Если же судьи встанут на сторону нарушителей долговых обязательств, то это не пойдет «...на благо ни вашему народу, ни тем, кто занимается морской торговлей, ибо они-то приносят величайшую пользу и всем вам вместе, и каждому из вас в отдельности. Именно по-

⁶⁷ Там же. С. 4.

⁶⁸ Или на поддержание его жизни, если экипаж состоял из рабов, как это и было в большинстве случаев.

⁶⁹ Мы приводили выше оценку Аристотелем ростовщичества. Любопытно, что и в «Корпусе» присутствуют аналогичные мысли: в одной из речей имеется прямая ссылка на общее мнение афинян: «Афиняне ненавидят людей, дающих займы» (Dem. XXXVII. 52). В другой речи содержится еще более яркая инвектива в адрес кредитора: «Тебе, дающему деньги займы под проценты, несчастья и нужды людей приносят только удачу» (Dem. XLV. 70).

этому вы должны проявлять о них особую заботу» (ibid. 50). Тем самым кредиторы, субсидирующие морскую торговлю, четко сформулировали мысль о взаимосвязи их деятельности и благополучия афинян. Они требовали защиты своих интересов не только во имя справедливости, но и потому, что в этом заинтересовано гражданство в целом⁷⁰.

Именно это сравнение позволяет нам, как кажется, понять некоторые аспекты взглядов Стагирита, вызывающие постоянные дискуссии среди специалистов. Одним из общих мест в работах ученых, занимающихся анализом его экономических воззрений, является утверждение о принципиальной враждебности Аристотеля по отношению к торговле и «торговому классу»⁷¹. Стараясь защитить древнегреческого мыслителя от подобных нападок, другие историки утверждают, что критика Аристотеля не была направлена специально против торговцев. Объектом критики был гораздо более широкий круг – те люди, которых можно назвать специалистами, которые выполняют свои профессиональные обязанности за деньги. При этом, естественно, вспоминают, что и сам Аристотель как профессионал-философ, обучающий за деньги учеников, и его отец как врач, лечащий за деньги больных, также являются объектами критики⁷². Думается, что этот несколько парадоксальный тезис вряд ли справедлив. Аристотель был реалистом, прекрасно понимавшим, что возврата к «золотому веку» быть не может, что приходит время специалистов. Настоящим объектом его неприятия и критики являются трапезиты-ростовщики, деятельность которых отражена в первом и последнем членах формулы, приведенной выше. Навклер выполняет полезную функцию, снабжая город необходимым ему зерном, ростовщик же участвует в процессе только своими деньгами. Он получает прибыль, не прилагая никаких усилий, паразитируя на труде других. Именно эта группа людей, судя по логике Аристотеля, и поставляет кадры для той категории богачей, которых он столь сурово описывал.

Сопоставление данных Демосфена и Аристотеля выявляет поразительно яркую картину внутренне противоречивого процесса развития товарно-денежных отношений в Афинах классической эпохи. Аристотель гениально связал развитие обмена с эволюцией общества в целом, внутреннюю обусловленность первого прогрессом второго. Опираясь на опыт греческого общества, он показал, что обмен как в отдельном полисе, так и в рамках всего греческого мира, представляет собой явление совершенно неизбежное. Он ясно понял различие между потребительской и меновой стоимостями, что объясняло возможность получения прибыли в процессе торговли. Тем самым торговля становилась сферой деятельности, которая ориентировалась не только на удовлетворение естественных потребностей общества, но и на извлечение прибыли. Наконец, особой сферой предпринимательства становилась деятельность трапезитов, которую следует рассматривать как «инвестирование» в торговлю, но вместе с тем и как чисто ростовщическую операцию.

Аристотель сознавал разлагающее влияние развития товарно-денежных отношений на полисный коллектив, поскольку они способствовали разрушению его гомогенности. Не будет ли слишком смелым трактовать эту внутреннюю противоречивость процесса, так отчетливо осознанную Стагиритом, как имманентно присущее древнегреческому обществу противостояние полисных и городских начал?

⁷⁰ Маринович. Морская торговля... С. 22.

⁷¹ См., например: Barker. The Political Thought... P. 374–377, 390 (он считает Аристотеля «реакционным экономистом, таким же, как Платон», призывавшим вернуться в простое и понятное прошлое); Ross. Aristotle... P. 243 (Аристотель явно враждебен «коммерческому классу»); Mulgan. Aristotle's Political... P. 48–50 (Аристотель – явный враг развития технологии и усовершенствований, призывающий жить за счет продуктов земли и моря) и др.

⁷² Meikle. Aristotle on Business... P. 148 ff.

L.P. Marinovich

After some decades of discussion between «modernist» and «primitivists» the latter came to dominate almost completely. Only recently they have been seriously challenged by new discussions of the problems of ancient economy in western scholarship. Of special importance for the solution of these problems are Aristotle's economical views. This subject is not new for classical studies. But in the recent period its analysis has been strongly influenced by the "primitivist" concepts, represented e.g. in the works of M. Finley. It is also important to be independent of a narrow Marxist approach, which sees in Aristotle rather a predecessor of K. Marx than an original thinker.

The article analyses the following questions: different kinds of exchange depending logically and historically upon different types of social organization; the problem of the birth of money and monetary circulation considered in the light of labour division in polis and its foreign connections; autarchy, which for Aristotle does not imply renunciation of economical ties; two kinds of acquisition art: economics and chrematistics; his views of trade and usury; and the relations between Aristotle's theory and the realities of his time, particularly trade development and *trapesites'* activity.

Aristotle realized the corrupting influence of the developing commodity-money relations on the polis community, because they undermined its homogeneity. Will it be too daring to consider this inner contradictory character of the process (well understood by Aristotle) as an immanent opposition of polis and city principles in classical Greek society?

© 2003 г.

Э. Д. Фролов

КРИТИЙ, СЫН КАЛЛЕСХРА, АФИНЯНИН, – СОФИСТ И ТИРАН

ВВЕДЕНИЕ

Новые явления в интеллектуальной и политической жизни Греции на исходе V в. до н.э. Софистика и тирания, пример особенного их взаимодействия в лице Крития

Последняя треть V в. до н.э. стала для классической Греции периодом особенных, поистине драматических испытаний. После недолгой полосы расцвета, последовавшей за решающими победами в войнах с персами, греческий мир, вследствие соперничества его главных лидеров – Афин и Спарты, оказался вовлечен в длительную междоусобную распря – Пелопоннесскую войну, которая, наложившись на спонтанно действовавшие процессы внутреннего разложения, стала прелюдией общего кризиса полисного строя – как традиционных порядков внутри города-государства, так и сложившейся системы межполисных отношений.

Общим образом социально-политическая ситуация в Греции в конце V в. до н.э. может быть охарактеризована как начальная стадия кризиса классического полиса¹.

¹ О кризисе полиса см. Бузескул В.П. История афинской демократии. СПб., 1909. С. 237 слл. (новое издание 2003 г. – с. 253 слл., разделы III и IV); Пельман Р. Очерк греческой истории и источниковедения / Пер. с нем. А.С. Князькова. СПб., 1910; новое изд. под ред. С.М. Жестоканова и М.М. Холода. СПб., 1999. С. 195 слл. (гл. VIII–IX); Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.–Л., 1950. С. 10–38 (гл. I); Глушкина Л.М. Проблемы кризиса полиса // Античная Греция / Под ред. Е.С. Голубцовой, Л.П. Маринович, А.И. Павловской, Э.Д. Фролова. Т. II. М., 1983. С. 5–42; Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики (общество, личность, власть). СПб., 2001. С. 9–64 (ч. 1). Из сравнительно новой зарубежной литературы назовем: Mossé C. La fin de la démocratie athénienne. P., 1962; eadem. Le IV-e siècle (403–336) // Will Ed., Mossé C., Goukowsky P. Le Monde Grec et l'Orient. T. II. P., 1975. P. 9–244; Hellenische Poleis (Krise – Wandlung – Wirkung) / Hrsg. von E.Ch. Welskopf. Bd I–IV. B., 1974; Pečírka J. The Crisis of the Athenian Polis in the IVth century B. C. // Eirene. 1976. XIV. P. 5–29.